

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕН-
НОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
(РАНХиГС)

ПРЕПРИНТ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КРИВАЯ КУЗНЕЦА: ВЛИЯНИЕ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ И
КОЛЛЕКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ НА РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДОХОДОВ

Матвеев Илья Александрович

Старший научный сотрудник Центра современных политических исследований

ИОН, кандидат политических наук

matveev-ia@ranepa.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4355-3257>

Коновалов Илья Александрович

Младший научный сотрудник Центра современных политических исследований

ИОН

Москва 2021

Аннотация

Экономическое неравенство зачастую представляется как некий объективный факт, на который можно повлиять лишь постфактум с помощью перераспределительных мер. Исходя из этого в экономической литературе проблема неравенства чаще всего связывается с другими экономическими факторами, в первую очередь, с показателями экономического роста. Такой подход берет истоки в объяснении связи между экономическим ростом и неравенством, предложенном в 1955 году С. Кузнецом. Долгое время эта зависимость воспринималась как объективная и чисто экономическая: по достижении определенного порога экономического роста неравенство начинает снижаться. В настоящей работе мы рассматриваем концепции, указывающие на то, что подобная зависимость не может быть описана в чисто экономических терминах. В первую очередь мы обращаемся к формальной модели Аджемоглу-Робинсона, которая позволяет сформулировать «политический фактор кривой Кузнеца». Их модель показывает, что динамика неравенства отражает конфликтное взаимодействие масс и элит, а также стратегические способы достижения компромисса через выстраивание демократических институтов. Мы анализируем основные допущения этой модели и с помощью анализа эмпирических исследований указываем на необходимые уточнения. Это позволяет нам показать, что, во-первых, основные положения модели являются правдоподобными, хотя ее развитие требует скорее дополнительного анализа кейсов, а не обобщающих эконометрических исследований, и, во-вторых, что модели Аджемоглу-Робинсона необходимо более полное описание истоков и последствий коллективных действий как до, так и после демократизации.

Коды JELClassification: D31, H23, D74

Centre for contemporary political studies
Institute for Social Sciences
RANEPA

Preprint

Political Kuznets curve: the effect of democratization and collective action on income distribution

Ilya Matveev

Senior research fellow, Center for the contemporary political studies, ISS RANEPA

matveev-ia@ranepa.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4355-3257>

Ilya Konovalov

Moscow, 2021

Abstract

Economic inequality is often portrayed as an objective fact that can only be changed by redistributive policies. This leads economists to link inequality to other strictly economic factors – first and foremost, economic growth. This approach is based on Simon Kuznets’ famous hypothesis on the association between growth and inequality. This association has long been treated as economic in nature: after a certain level of economic development is reached, inequality begins to decline. However, in this paper, we deal with theories that refuse to consider inequality to be a purely economic phenomenon. We focus on Daron Acemoglu and James Robinson’s model that indicates the Kuznets curve having a political nature. This model treats inequality as a result of the conflict between masses and elites, and suggests searching for a strategic compromise by building democratic institutions. We investigate the model’s assumptions and through studying empirical works we indicate possible ways to advance Acemoglu and Robinson’s theory. We conclude that the model’s basic structure is sound, however, its development requires detailed case studies, not just general econometric analysis. We also claim that Acemoglu and Robinson’s model should involve a more nuanced understanding of the causes and effects of collective action both before and after democratization.

JEL Classification: D31, H23, D74

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	8
1 К равенству через демократию и экономический рост. Гипотеза Кузнецца-Липсета.....	11
2 Теорема медианного избирателя как основа для политэкономии неравенства	15
3 Формальное моделирование политического фактора кривой Кузнецца	19
4 Приводит ли экономическое неравенство к политическому конфликту и «революционной угрозе»?	28
5 Проблема коллективного действия.....	33
6 Влияние неравенства на демократизацию	35
7 Внутриэлитные конфликты	37
8 Влияние демократии на неравенство.....	38
9 Авторитарное перераспределение	40
9 В каких условиях демократии выполняют перераспределительную функцию?	42
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	50
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	52

ВВЕДЕНИЕ

Является ли неравенство следствием экономических факторов, а политическое воздействие на этот показатель ограничено лишь мерами перераспределительной политики? Либо же неравенство — это изначально фундаментально политический факт, отражающий исход политических столкновений, конфигурацию сил различных групп и их стратегические предпочтения?

Неоклассическая экономика тяготеет к первому полюсу, рассматривая неравенство скорее как «объективную» данность. В частности, долгое время считалось, что экономическое неравенство находится в строгой зависимости от экономического развития, повышаясь в начальной стадии роста и понижаясь по достижении «переломной точки», – закон, сформулированный Саймоном Кузнецом [1]. И даже самые на данный момент обширные работы по проблеме неравенства за авторством Пикетти хотя и вызвали оживленные дискуссии, в том числе политического содержания, скорее обладают «дефицитом» политического.

Вторая позиция в этом тексте демонстрируется на примере «политического» прочтения кривой Кузнецца, которое предполагает, что обратная U-образная связь между экономическим развитием и неравенством не является статистическим артефактом, но и не является непреложным экономическим законом, а отражает результаты столкновения политических сил и различных стратегий по подавлению одной из сторон или достижению политического компромисса. Противоречивые результаты, к которым приводили попытки обнаружить кривую Кузнецца при межстрановом анализе, отражают тот факт, что общепринятая интерпретация кривой Кузнецца принимает во внимание лишь часть теории, игнорируя ее социально-политическое содержание [2]. Помимо этого, такой подход позволяет продемонстрировать, что и обратная связь (от неравенства к политической нестабильности, демократизациями и революциям) не объясняется напрямую, а посредством анализа того, какие стратегии участников конфликта адекватны в контексте сложившегося распределения сил, выгод и рисков от возможных политических преобразований, структуры активов, мобильности капитала, открытости экономики.

В нашем тексте мы представим обзор концепций, которые пытаются дополнить концепцию Кузнецца, включив в анализ связи между ростом и неравенством политические и институциональные аспекты, в частности, структурные конфликты различных групп общества и институциональные способы разрешения этих конфликтов. Мы покажем, что такие концепции рождают ряд правдоподобных гипотез относительно источников

демократизации, соотношения политических режимов и уровня неравенства, однако, они требуют дополнительного концептуального уточнения, без которых попытки проверки этих гипотез с помощью сложных эконометрических моделей хотя и могут быть полезны для понимания их слабых мест и поиска того, что требует дополнительного объяснения, но все же не слишком помогут нам приблизиться к пониманию связи между экономическим развитием, политическими режимами и уровнем неравенства.

В текущей работе для нас основной интерес представляет гипотеза, утверждающая, что кривая Кузнецца наблюдается контингентно, в зависимости от сочетания уровня неравенства, политических и институциональных факторов. Такой тезис мы будем называть «политическим фактором, определяющим кривую Кузнецца». Основные элементы, описывающие политический характер кривой Кузнецца, представлены в работах Аджемоглу и Робинсона¹[3; 4; 5]. Эти авторы отмечают, что теория, которая хочет сохранить значимость кривой Кузнецца, должна не только объяснять ее происхождение, но и то, что в определенных случаях ожидаемая связь отсутствует².

Наше изложение будет идти следующим образом: 1) Мы покажем, что привнесение политического фактора в анализ кривой Кузнецца требует соотнесения пары «экономический рост — неравенство» с процессом демократизации. И, в частности, покажем как критика одной из ведущих концепций демократизации, принадлежащей авторству С. Липсета, подготовила определенные «строительные блоки» для формулирования значимости политического фактора кривой Кузнецца; 2) Мы опишем первые политэкономические модели, выявляющие связь роста, неравенства и политических институтов, основанные на теореме медианного избирателя; 3) Опишем

---

¹ До сих пор основное внимание касательно предложенной Аджемоглу и Робинсоном модели разворачивалось вокруг проблем демократизации, что не удивительно, учитывая, что и сами авторы сфокусировали внимание именно на этом аспекте, обобщив свои результаты в работе «Экономические истоки демократии» [5]. Однако мы в нашей работе хотим уделить внимание аспекту их построений, который ушел на второй план, а именно, концепции политического фактора в динамике кривой Кузнецца.

² Отчасти политические импликации теории Кузнецца в преломлении модели Аджемоглу-Робинсона рассматриваются в работе Болвачева и Кушнарева, однако авторы скорее фиксируют наличие политэкономического прочтения концепции Кузнецца в работах Аджемоглу-Робинсона. Мы же идем дальше и пытаемся показать допущения и ограничения этого подхода.

ранние попытки сформулировать политическое содержание кривой Кузнецца; 4) Опишем основные формальные модели политической кривой Кузнецца и эндогенной демократизации (Аджемоглу, Робинсон, Буа, Бургиньон); 5) Затем мы рассмотрим, как текущие эмпирические исследования подтверждают допущения этих моделей, подсвечивают их ограничения и «слепые пятна», сосредоточившись на рецепции работы Аджемоглу и Робинсона; 6) В заключение мы, с учетом выявленных нами слабых мест, укажем на то, каковы дальнейшие перспективы политического анализа проблемы неравенства.

1 К равенству через демократию и экономический рост. Гипотеза Кузнец-Липсета

В истории социальных наук существует немного концепций, которые бы настолько успешно претендовали на роль объективного и твердо установленного закона, как закономерности, выявленные Саймоном Кузнецом и Сеймуром Липсетом [1; 6]. Обе эти концепции схожи в том, что акцентируют значимость экономического роста: в случае «кривой Кузнец» постулировалось, что экономический рост изначально подстегивает неравенство, но, доходя до определенной «переломной точки», эта связь меняет направление и экономический рост начинает способствовать более равному распределению ресурсов. Теория модернизации Липсета схожим образом утверждает, что устойчивые демократические режимы могут сформироваться только в «богатых» странах с образованным населением (причем образование, по сути, является следствием экономического роста и возможности направлять национальное богатство на образование населения).

В работе Кузнец был выдвинут сильный тезис, причем не только в исследовательском плане, но и в политическом: сделанный им вывод оказался очень кстати в политическом климате, царившем во время выхода его статьи. Именно благодаря Кузнецу классическая апологетика неравенства, выстроенная на утверждении, что важным является, в первую очередь, рост благосостояния, а говорить о неравенстве попросту бессмысленно, сменяется более тонким утверждением, что рост неравенства – это всего лишь необходимый этап на пути экономического развития и, более того, рост неравенства можно воспринимать как позитивный индикатор. Такая модель позволяла интерпретировать взрывной рост неравенства в позитивных и оптимистических терминах, ведь за ним по мере развития экономики должно было последовать сокращение имущественного разрыва.

Схожие политические импликации имела и концепция Липсета. Из нее выводилось утверждение, что попытка «установить» демократию в странах с несоответствующим уровнем развития рискует обернуться провалом; после установления демократии у граждан появляется возможность повлиять на государство в собственных интересах, но Липсет почти не раскрывает механизмы и условия этого влияния. Таким образом, экономический рост становится во главу угла, а политические институты и коллективные действия оказываются лишь косвенным продуктом экономического развития.

Обе эти концепции в том виде, в котором они закрепились в последующей литературе, обладают несколькими характеристиками:

1) Заявленные связи приобретают свойство «объективного» закона, политическое вмешательство в который может только помешать ему реализоваться;

2) Определяющим моментом становится экономический рост, который должен стать целью политического воздействия;

3) Неравенство и отсутствие демократии признаются как социальные проблемы, однако решение этих проблем имеет принципиально неполитический характер.

Помимо этого, для этих концепции характерны своего рода отзеркаливающие друг друга «слепые зоны»: в концепции Кузнецца не рассматривались политические институты, которые могли бы приводить к уменьшению неравенства, а в концепции Липсета мало внимания уделялось тому, в каких пропорциях распределяются плоды экономического роста.

Обе концепции со временем подверглись заметной критике: новые, более совершенные наборы данных показывали противоречивые результаты, в частности, демонстрируя, что наблюдаемые связи не вполне удачно получается распространить за пределы стран Западной Европы [7; 8]. В случае с исследованиями Кузнецца, основной проблемой стало наличие стран, которые осуществили заметный экономический рывок без соответствующего увеличения неравенства, а также то, что в странах, которые уже прошли «пик Кузнецца», вновь начало расти неравенство. В случае с гипотезой Липсета сомнения возникли в связи с тем, что экономическое развитие ряда стран не привело их к демократизации, и по причине того, что новые наборы данных показали, что экономическое развитие скорее определяет возможность именно консолидации демократии, а не ее возникновения, что заставляет по-новому задать вопрос об истоках демократизации как таковой.

Новые данные позволяют признать, что выделенные связи между экономическим ростом, неравенством и демократией являются лишь статистическим артефактом или отражением уникальной констелляции исторических факторов. Но мы сосредоточимся в этом тексте на исследованиях, которые попытались преодолеть вышеописанные затруднения за счет того, чтобы перенести концепции Кузнецца и Липсета из области «объективных законов» в область политического конфликта, при котором отношение между ростом, неравенством и демократией оказывается связано со стратегическим поведением агентов, преследующих свои интересы и включенных в коллективные действия; преодоление этих конфликтов приводит к формированию институтов определенного вида. В этих теориях, представленных в работах Аджемоглу, Робинсона, Буа и Бургиньона [4; 9; 10], демократия и неравенство оказываются связаны в рамках

единой политэкономической модели, основанной на контингентных исходах при преследовании агентами своих интересов.

В области теории уточнение концепции Кузнецца сфокусировалась прежде всего на попытке уточнить экономический механизм, который мог бы приводить к наблюдаемой связи экономического роста и неравенства. В работе Робинсона акцент был сделан на строгой формализации двухсекторной экономики с разным уровнем неравенства и среднего дохода внутри них [11]. Иная траектория, выбранная исследователями, – вместо строгой формализации обратиться к другим содержательным основаниям для динамики, описанной Кузнецом: в работе Уильямсона демонстрируется, что рост неравенства был вызван быстрым технологическим прогрессом, связанным с индустриализацией [12]. В работе Гринвуда и Йовановича отмечается роль финансового сектора, который на начальной стадии экономического роста, по сути, отсутствует или доступен только самым богатым, что способствует росту неравенства [13]. Ряд исследователей попытались сформулировать различного рода «Trickle-Down механизмы», описывающие динамику, в которой изначально доходы богатых растут быстрее, чем доходы бедных, но поскольку это стимулирует рост экономики в целом, то через какое-то время и бедные получают преимущества от этого роста экономики [14; 15]. Основные механизмы такого положительного «перетекания» роста богатства обеспеченных слоев – это увеличение кредитных возможностей для менее обеспеченных слоев населения и расширение возможностей для инвестиций в человеческий капитал.

В целом, как можно заметить, рецепция работы Кузнецца осуществлялась в основном экономистами, которые развивали ее через формулирование более точных и универсальных механизмов, в то время как социально-политические факторы, если в таких работах и упоминались, то оставались на заднем плане.

Теоретическая критика тезиса Липсета сфокусировалась на том, чтобы продемонстрировать дефицит агентности в концепции модернизации, в которой демократизация происходит как будто бы сама собой, автоматически следуя за экономическим развитием. Конфликтные концепции демократизации же акцентировали значимость того, как различные политические группы преследуют свои интересы, в результате чего и происходит демократизация³. Буа отмечает, что в модернизационной концепции Липсета есть намеки на то, что повышение вероятности демократизации

---

³ Собственно, концепции, которые находятся в центре внимания нашего текста, являются способом формализовать эти структурные модели конфликтов, и поэтому даже получили назвать «неструктурные модели демократизации».

связано с изменениями в социально-экономической структуре: с понижением уровня неравенства и увеличением значимости среднего класса. Однако эти интуиции у Липсета оказываются не раскрыты - движущей силой остается автономный экономический закон развития, а не агенты и их интересы [9].

Теории политической модернизации можно противопоставить теории, которые ставят в центре процесса демократизации не влияние экономического развития, а интересы политических агентов, конфликты и коалиции, возникающие в ходе реализации этих интересов; при этом политические формы являются способами разрешения этих конфликтов и институционализации этих решений. В социологии такой подход представлен классической работой Баррингтона Мура [16], а в политических науках исследованиями Рушемайера и Стивенса [17].

В своей работе Мур утверждает, что переход к либеральной демократии зависит от социальной структуры общества; само по себе экономическое развитие не может переопределить эту социальную структуру, а «средний класс», понимаемым Муром не просто в экономических терминах, а как культурно-политическая группа – городская буржуазия – не возникает автоматически в ходе экономического развития. При этом, без городской буржуазии и ее определяющего политического влияния переход к демократии затруднен, а в случае, если помещики обладают значительной политической силой и зависят от наличия дешевой рабочей силы, демократизация становится почти невозможной.

Если для Мура процесс демократизации находится в зависимости от силы городской буржуазии и тех политических коалиций, в которые она вступает, преследуя классовые интересы, то для Рушемайера и Стивенса демократия является отражением противоречий, создаваемых капиталистическим развитием. Для Мура первичное значение имеет все же социально-политическая стратификация, тогда как для Рушемайера и Стивенса в основу положена динамика капиталистического развития, которое создает почву для классового конфликта, одним из способов стабилизации которого и являются демократические преобразования⁴.

---

⁴Аджемоглу и Робинсон отмечают, что при построении своей модели они во многом обязаны конфликтной модели Рушемайера, однако считают, что эта модель имеет слишком узкий характер, фокусируясь только на одном типе конфликта, – между капиталом и рабочим классом, – а также полагается на модель капиталистического развития, которая кажется нео-институционалистам Аджемоглу и Робинсону излишним

2 Теорема медианного избирателя как основа для политэкономии неравенства

Перед тем как перейти к описанию формальных моделей политического фактора кривой Кузнеца, нам необходимо осветить еще один «строительный блок теории», а именно - политэкономические концепции связи между неравенством и ростом. Поскольку уровень налогообложения и доля трансфертов (в виде общественных благ, льгот или прямой денежной помощи) определяется в ходе демократического процесса, то в таких теориях показывается, что уровень неравенства может создать определенный запрос на перераспределение и тем самым повлиять на экономический рост⁵.

Основу для теорий такого рода составляет «теорема медианного избирателя», которая была применена к проблеме определения оптимальной ставки налогообложения и размера государственного сектора в работе Мелцера и Ричарда [18]. Теорема медианного избирателя покоится на предположении, что чем больше разница между доходом медианного избирателя и средним доходом, тем больше медианный избиратель будет сторонником перераспределения. В ходе процесса демократизации расширение избирательных прав приводит к тому, что медианный избиратель становится ближе к наименее обеспеченным слоям общества: с расширением избирательных прав медианный избиратель будет репрезентировать более бедные слои общества, заинтересованные в перераспределении.

Теорема медианного избирателя является фундаментом для экономических перераспределительных концепции демократий. И благодаря анализу политических предпочтений людей при различных экономических конфигурациях она позволяет описать эндогенно связь между уровнем роста, уровнем неравенства и запросом на перераспределение. Именно такую задачу решали политэкономические исследования связи между ростом и неравенством [19], которых, впрочем, в первую очередь

допущением, поскольку отражает претензию на формулирование «общих законов капитализма», которых, по их мнению, не существует [Acemoglu, Robinson, 2015].

⁵ Отметим, что в этих моделях поведение агентов является скорее автоматическим следствием структурных условий: уровня экономического развития и неравенства, поэтому эти модели остаются в первую очередь экономическими, хотя и включают в себя политический аспект.

интересовал вопрос о том, насколько такая перераспределительная политика способствует или мешает экономическому росту. Отдельные исследователи отметили, что спрос на интенсивное перераспределение может повредить экономическому росту, а потому высокое неравенство оказывает негативное влияние на экономическое развитие [15; 20; 21].

Бенабу отказывается от простого, линейного влияния перераспределения на рост. Перераспределение может иметь противоположные эффекты в зависимости от условий своего возникновения и направленности. Так, например, если перераспределение позволяет финансировать образование в условиях несовершенства рынка, оно приведет к увеличению роста (в соответствии с моделью несовершенных рынков), однако в случае, когда перераспределение сводится к перетеканию доходов от богатых к бедным, это приводит к снижению капитального дохода и к понижению темпов роста (как в политэкономической модели) [22].

Описанные выше модели создали предпосылки для осмысления того, как неравенство приводит к возникновению определенных политических предпочтений, которые затем влияют на экономический рост. Однако сам политический процесс оставался для этих теорий скорее внешним элементом, к тому же изначальный уровень неравенства полагался, скорее, как данность, нежели как следствие предыдущих политических решений и столкновений.

Параллельно с развитием политэкономических моделей, описанных выше, в литературе начинает появляться и другое направление, которое ставит своей целью продемонстрировать, что сама изначальная динамика кривой Кузнецца определяется именно влиянием политических факторов.

Стоит отметить определенную иронию в том, что первым сторонником «политической» реинтерпретации модели Кузнецца был... сам Кузнец. В его оригинальной статье есть ряд указаний на то, что динамику неравенства нельзя полноценно описать только через структурные факторы, и дальнейшие исследования должны принять во внимание социальные и политические факторы.

Как это зачастую бывает, его предупреждение о многоаспектности проблемы было проигнорировано в пользу создания более полных наборов данных и более адекватных эконометрических моделей. Однако в последнее время все чаще звучат призывы обратить внимание на политическую составляющую модели Кузнецца [23; 2; 24]. Только спустя полвека после формулирования оригинальной концепции исследователи последовали за указанием Кузнецца, завершающим его статью, о том, что «плодотворные исследования в

этом поле с необходимостью требуют использования не только экономических моделей, но и внимания к проблемам политической экономии и социальной экономики» [1: 28].

Одним из первых гипотезу о том, что обратная U-образная кривая между уровнем экономического развития и уровнем неравенства может быть связана с уровнем демократических свобод, выдвинул социолог М. Симпсон [25]. Симпсон развивает концепцию, в которой экономическое неравенство зависит от распределения политических сил, в частности, указывая на то, что при отсутствии политических прав неравенство будет скорее низким, поскольку ни у кого из агентов нет полноценных средств для преследования своих экономических интересов посредством политических структур, в то время как власть предпочитает выгодно сохранять относительно низкую степень неравенства, чтобы стабилизировать свою власть. При наличии первых признаков демократизации наиболее экономически обеспеченные слои (городская буржуазия и купцы) получают возможность преследовать свои экономические интересы через политические инструменты и приостанавливать перераспределительную деятельность государства, чья стабильность начинает зависеть в большей степени от устойчивой коалиции с этими зарождающимися элитными группами. И только при расширении демократизации уровень неравенства вновь начинает понижаться вплоть до полной демократизации, в условиях, когда наименее обеспеченные могут претендовать на стимулирование перераспределительной политики.

В рамках экономической истории гипотезу о политическом факторе в динамике кривой Кузнецца выдвинули Джастмен и Градстейн [26]. Они обратили внимание на то, что динамика неравенства и динамика расширения демократических свобод в Британской Империи в XIX веке обладают схожим паттерном. На основе этой схожести они попытались продемонстрировать, как экономический рост изначально создает предпосылки для политического напряжения вокруг перераспределения, а затем в попытках преодолеть возможную политическую нестабильность расширяются избирательные права, что в итоге ведет к ряду реформ, влияющих на распределение доходов, среди которых распространение бесплатного образования, закрепление легального статуса профсоюзов, создание системы социальной помощи для пожилых, больных и безработных без ограничений их политических прав и замена регрессивного непрямого налогообложения, на прогрессивную школу налогообложения на доходы, землю и наследство⁶.

---

⁶ Нетрудно проследить, что именно это исследование является отправной точкой для построения формальной модели Аджемоглу-Робинсона.

Миланович предложил дополнить концепцию кривой Кузнеца тем, что он назвал «усовершенствованной кривой Кузнеца» [27]. Миланович, исследуя эмпирические вариации в динамике неравенства, предположил, что кривая Кузнеца не является непреложным экономическим законом, а неравенство не является прямой функцией от экономического роста, но также опосредуется «общественными решениями, опосредованными выборами, лоббизмом, общественными настроениями». В качестве факторов, отражающих «общественный выбор», Миланович выбирает долю работников, занятых в государственном секторе, и то, какую долю государственные трансферты составляют относительно общего ВВП страны. Однако построения Милановича остались ограниченными, поскольку выделенные им переменные, указывающие на роль «общественного выбора», сами остаются необъясненными. Миланович демонстрирует, что на уровень неравенства влияют политические факторы, но не предлагает модели, которая бы объяснила политический процесс, стоящий за этими факторами.

3 Формальное моделирование политического фактора кривой Кузнецца

Далее мы рассмотрим формальные модели, которые с помощью инструментов теории игр и экономического моделирования были созданы для демонстрации того, как неравенство может порождать определенные политические процессы, которые будут это неравенство усугублять или понижать. Мы рассмотрим представляющую для нас наибольший интерес модель Аджемоглу-Робинсона. А затем разберем модели Буа и Бургиньона-Вердые, которые в некоторых обстоятельствах дополняют рассматриваемую модель.

Рассматриваемые теории о связи между демократией и неравенством придерживаются схожей архитектуры:

1) они разделяют общество на две или три группы на основе экономических факторов;

2)они предполагают, что доминирующая группа заинтересована в сохранении своей власти и не заинтересована в перераспределении, в то время как другая, получив власть в свои руки, выступит за перераспределение, что приведет к снижению неравенства;

3) риски элит соответствуют объему неравенства, сегментации общества (насколько богатые люди составляют малую или заметную прослойку), структуре активов и зависят от возможности накопления человеческого капитала;

4) Демократизация происходит двумя путями: через революции или через «коллективные переговоры», которые оканчиваются расширением избирательных прав.

В центре модели Аджемоглу и Робинсона конфликтное противостояние между «господствующей» и «подчиненной» группами, которые, в общем случае, оказываются приравнены к богатым и бедным. Динамика распределения богатств и общественный выбор относительно желаемых политических институтов находятся в этой модели в зависимости от того, какие действия рационально предпринять для этих групп в условиях

конфликтного взаимодействия при учете ряда начальных параметров и четко очерченных предпочтений⁷ членов этих групп.

Аджемоглу и Робинсон формулируют модель, в которой снижение неравенства происходит в результате реакции элит на риски революционных потрясений, возникающих в результате увеличивающегося экономического разрыва в условиях роста экономики. Чтобы уменьшить риск революционных потрясений, в развивающихся странах производится демократизация, а демократизация впоследствии приводит к тому, что политикам становится выгодно придерживаться перераспределительной политики, что, в свою очередь, приводит к снижению неравенства: «В целом наша теория кривой Кузнеця заключается в том, что капиталистическая индустриализация имеет тенденцию увеличивать неравенство, но это неравенство содержит в себе семена собственного разрушения, потому что оно вызывает изменение политического режима в сторону более перераспределительной системы» [4]. Таким образом, индустриализация имманентно несет в себе причины для понижения неравенства, но эти факторы, в отличие от построений Кузнеця, имеют институциональный и политический, а не чисто экономический характер⁸.

Почему в ответ на революционную угрозу элиты просто не начинают придерживаться более перераспределительной политики? Движение в сторону демократизации выглядит как более надежное обещание, считают Аджемоглу и Робинсон, нежели обещание элит приступить к большему перераспределению в будущем: расширение политических прав, в частности, электоральных прав, служат выражением того, что элиты способны придерживаться избранной политики.

Для подтверждения своей позиции, что именно радикальная политическая реформа и расширение избирательных прав приводят к понижающейся части кривой Кузнеця, Аджемоглу и Робинсон обращаются к примерам западноевропейских стран, на данных которых и основана кривая Кузнеця (Великобритания, Франция, Германия и Швеция),

---

⁷Свой подход авторы называют «экономическим» именно потому, что в основе их модели лежит положение о том, что индивиды имеют четко очерченные предпочтения и готовы выстраивать стратегии для осуществления этих предпочтений.

⁸ Стоит, впрочем, отметить, что в рамках построений Аджемоглу и Робинсона сама индустриализация и ее первоначальные последствия (повышение неравенства и концентрации масс, повышающая их организационный потенциал) имеют скорее экономический характер: именно поэтому их модель не вполне можно назвать полноценной «политической кривой Кузнеця».

демонстрируя, что в этих странах неравенство достигает своего пика в период, близкий к политическим реформам, а затем постепенно снижается.

Однако авторы утверждают, что, в отличие от концепции Кузнецца, которая описывает U-образную динамику как, по сути, неизбежную при сохранении темпов экономического роста, выделенная ими траектория – лишь одна из возможных. Вариации политических режимов и стартовых условий могут привести к совершенно иной траектории, нежели описанная Кузнецом. Аджемоглу и Робинсон выделяют два таких сценария: «автократическая катастрофа» и «восточноазиатское чудо».

Для сценария «автократической катастрофы» характерно то, что при наличии высокого уровня неравенства не происходит демократизации, а значит, не возникает противодействующая неравенству сила: в долгосрочной перспективе это приводит к замедлению экономического роста. Для «восточноазиатского чуда» характерен изначально низкий уровень неравенства, который сохраняется и при высоком уровне экономического роста, что позволяет откладывать демократизацию достаточно долго без ущерба для благосостояния масс, для которых использование средств революционного насилия оказывается нерациональным. Наконец, есть и четвертый вариант, который подразумевает, что богатые накапливают богатства, но не проводят демократизацию. В этом случае активизируется революционный сценарий, который приводит к тому, что часть накопленного богатства оказывается утерянной, а остальное перераспределяется более равномерно. Революция происходит в тех случаях, когда структура активов такова, что налогообложение элит затруднено, поэтому их демократические обещания не вызывают доверия. В таких случаях массам выгоднее завладеть средствами производства, а не требовать демократизации [4: 197]. Дальнейшая судьба экономического роста зависит уже от новых институциональных структур, которые эта революция порождает. Но, в общем случае, в модели Аджемоглу политические уступки, которые приводят к демократизации, являются более предпочтительными, поскольку в длительной перспективе приводят к такому же снижению неравенства без растраты общественного богатства⁹.

---

⁹ В целом революция не рассматривается как адекватная альтернатива «демократическому» компромиссу, хотя теоретические основания для такого избегания революций не ясны (Аджемоглу с соавторами представил эмпирическое исследование положительной роли институтов, учреждённых в ходе французской революции, для экономического роста, но, к сожалению, не интегрировал эти наблюдения в общую модель режимных трансформаций).

Описанные выше сценарии позволяют Аджемоглу и Робинсону выделить несколько кейсов, иллюстрирующих положения их модели: 1) Ярким примером ситуации, в которой низкому неравенству сопутствует высокий темп накопления, плоды которого распределяются более-менее равномерно, является Сингапур; 2) Ситуация, при которой высокий уровень неравенства рождает социальное напряжение и потенциал для коллективного действия, который канализируется в принятие демократических реформ и расширение избирательных прав, после чего однажды установленная демократия консолидируется, а неравенство постепенно начинает снижаться (кейс Великобритании); 3) Более высокий уровень неравенства все еще создает плодотворную почву для социального конфликта, и способен привести к демократизации, однако высокий уровень неравенства создает риск того, что демократия не консолидируется и может произойти «крах демократии» (путь Аргентины); 4) При слишком высоком уровне неравенства возможности демократизации ограничены, поскольку «цена репрессий» для элит оказывается адекватна тем рискам, которые для них связаны с демократизацией (случай Южной Африки) [5: 65–66].

В сущности, динамика кривой Кузнецца начинает зависеть, в первую очередь, от способности масс кооперироваться и создавать революционную угрозу. В тех обществах, где это реальная возможность, демократизация оказывается для элит оптимальным выбором. В тех случаях, когда революционная угроза не возникает, элиты не проводят демократизацию и высокий уровень неравенства сохраняется, однако и рост замедляется.

Зафиксируем несколько основных положений модели Аджемоглу-Робинсона:

1) Нисходящий тренд кривой Кузнецца вызывается радикальными реформами в ответ на «угрозу революции». Демократические реформы направляют страну на перераспределительный путь и снижают неравенство.

2) В случае, когда «угроза революции» отсутствует в зависимости от уровня неравенства, страна может вступить на путь «автократической катастрофы», «неконсолидированной демократии» либо «восточноазиатского чуда». В этих случаях демократизация откладывается.

3) Вероятность демократизации связана с неравенством в форме обратной U-образной кривой; демократизация наименее вероятна при очень низких и очень высоких показателях неравенства.

4) Создаст ли текущий уровень неравенства достаточную «революционную угрозу» определяется вероятностью того, что «бедные» смогут преодолеть проблему коллективного действия. Преодолев ее, массы предпочтут не непосредственное обещание

перераспределения, а гарантию осуществления своей политической власти в будущем – демократические институты.

5) В случае, если обещание демократических институтов не гарантирует достаточную степень перераспределения в будущем, возможен сценарий революций, при которой массы предпочтут немедленное перераспределение при потере части национального богатства.

В отличие от модели Аджемоглу-Робинсона, в модели Карла Буа именно низкий уровень неравенства способствует демократизации, поскольку для элит в какой-то момент времени потери от перераспределения при демократизации становятся менее затратными, чем вкладывание ресурсов в воспроизводство автократии. Эта зависимость опосредуется «специфичностью активов»: чем более мобильны активы элит, тем выше уровень неравенства, при котором демократизация может произойти, поскольку риск все же сокращается. Если, с точки зрения Аджемоглу и Робинсона, элиты боятся революции еще больше, чем демократизации, поэтому на определенном этапе оказываются готовыми принять демократию, то с точки зрения Буа, страх экспроприации при демократическом режиме перевешивает. Поэтому, утверждает Буа, демократизация оказывается линейно связанной с сокращением неравенства: чем ниже неравенство, тем скромнее потенциальные перераспределительные меры при демократии, а значит, меньше страх перед ней со стороны элит. Если неравенство в стране велико, то мобилизация бедных слоев заканчивается не демократизацией, а насильственной революцией. В случае если революция оказывается успешной, в стране устанавливается левая диктатура [9: 13–14].

Важным новшеством подхода Буа является введение новой переменной при анализе демократизации: речь идет об уровне мобильности капитала. Если капитал, которым владеют экономические элиты, мобилен и может быть выведен из страны, элиты меньше опасаются экспроприации. Кроме того, в ситуации, когда капитал мобилен, сам шанс экспроприации снижается: демократическое правительство понимает, что чрезмерное повышение налогов приведет к оттоку капитала. Это, в свою очередь, негативно скажется на уровне экономической активности, а значит, и популярности самого демократического правительства¹⁰ (аналогичный аргумент о «структурной власти бизнеса» в условиях как авторитаризма, так и демократии высказывался в [28; 29; 30].

---

¹⁰ Вопреки выводам большого количества политологических исследований, Буа утверждает, что институциональный дизайн практически не влияет на стабильность демократического режима: решающая роль принадлежит социально-экономическим факторам. Если умеренное неравенство в стране сочетается с высокой мобильностью

Модель Бургиньона-Вердые отталкивается от иных предположений [10]. В ней политическое участие масс не является основополагающим элементом. Более того, в начальной стадии модели политическое участие масс приравнивается к нулю. Однако по мере принятия элитами решения о том, субсидировать ли массовое образование, растет и вероятность политического участия. Интенция этой модели несколько отличается от модели Аджемоглу-Робинсона и Буа: в отличие от желания показать, как кривая Кузнецца снижается в результате активного политического участия масс, эта модель скорее пытается дополнить стандартную модель медианного избирателя. Напомним, что в ней именно медианный избиратель принимает решение о предпочтительных мерах перераспределительной политики. Однако эта модель уже предполагает, что 1) массы участвуют в принятии политических решений; 2) неравенство, по отношению к которому принимаются решения, существует *ex ante* и не зависит от предыдущих политических выборов. Проблематичность первого допущения продемонстрировал Бенабу, который отметил, что при определенных условиях решающую роль может играть вовсе не медианный избиратель, а агент, находящийся в какой-то иной точке распределения доходов, в том случае, когда участие в политике не равновероятно, а зависит от наличных ресурсов. В таком случае массы, заинтересованные в определенных мерах перераспределения, могут не реализовать свой интерес, если у них отсутствуют ресурсы для политического участия. Однако в этой модели остается лакуна, поскольку остаются непроясненными факторы, определяющие, в какой части доходного распределения окажется политическая власть.

Бургиньон и Вердые отталкиваются от этого замечания, постулируя два простых отношения: 1) мера политического участия определяется уровнем образования индивида (это формальное допущение они основывают на выводах политических социологов); 2) в

капитала, то демократизация наступит вне зависимости от выбора политических институтов (парламентаризм/президентализм, пропорциональная/мажоритарная избирательная система). В свою очередь, при высоком неравенстве и немобильном капитале ни одна форма институционального дизайна не способна сохранить демократию. Из этого правила есть два исключения. В странах с немобильным капиталом президентализм оказывает негативное влияние на демократию, поскольку позволяет президенту самому экспроприировать активы и устанавливать диктатуру. С другой стороны, децентрализация по швейцарскому или американскому образцу позитивно влияет на демократию.

определенных ситуациях элитам выгодно субсидировать образование, поскольку это создаст образовательные экстерналии, которые увеличат их богатство. Принимая решение о субсидировании образования, элиты влияют на то, в какой точке распределения окажется «решающий избиратель».

Следствие этой модели: чем больше элиты теряют от перераспределения, тем больше должна быть образовательная экстерналия, а изначальное распределение ресурсов начинает играть определяющую роль. Таким образом, демократизация происходит только в условиях, при которых элиты готовы субсидировать образование для масс и не рискуют при этом потерять слишком много.

В модели Бургионьона-Вердье у носителей политической и экономической власти существуют три возможности: 1) занять исключительно «хищническую позицию», не инвестируя в образование масс, тем самым гарантируя себе политическое выживание, но существенно замедляя экономический рост; 2) ограничено субсидировать образование для среднего класса, что позволит ускорить экономический рост, при этом сохраняя риск демократизации достаточно низким, либо же 3) элиты могут предпочесть отказаться от монополии на власть полностью и перейти к полной демократизации, получив выгоду от ускорившегося экономического роста, который компенсирует им потери от монопольного владения ресурсами и от эффектов перераспределительной демократии. Эти три решения в совокупности с различными стартовыми условиями могут результировать в одну из пяти ситуаций: 1) Олигархический режим без экономического роста; 2) Олигархия с небольшим средним классом и низким-средним уровнем роста; 3) Олигархия со средним классом, примерно равным по размеру бедному населению, со средним уровнем роста и дальнейшим ограничением на увеличение количества образованных, поскольку это поставит под угрозу режим; 4) Демократический режим с объемным средним классом, который не нацелен на перераспределительную политику; 5) Полная демократия, активное перераспределение в пользу бедных и быстрый рост¹¹.

---

¹¹ При определенных условиях модель пройдет путь от состояния 1) в котором все решения принимаются только элитами, перераспределение не осуществляется, человеческий капитал накапливают только элиты, неравенство на высоком уровне, к состоянию 2) в котором частично субсидируется образование, но роль в политических решениях играет только небольшое количество прежде пассивных и бедных агентов; в этот момент неравенство повышается, поскольку перераспределения все еще не осуществляется, но возникают дифференциации среди бедных агентов, к состоянию 3), которое отражает допущения модели медианного избирателя, в которой все граждане

Подход Бургиньона-Вердье позволяет описать, как, исходя из различных стартовых условий, интересам политических элит могут соответствовать различные перераспределительные стратегии и будут реализовываться различные сценарии политической мобилизации и демократизации.

Представленные нами модели, хотя и предлагают правдоподобные гипотезы и четко очерченные механизмы демократизации и снижения неравенства, не лишены недостатков и определенных пробелов. Они также покоятся на допущениях, которые еще необходимо доказать. Именно анализу таких допущений и пробелов будет посвящена вторая часть нашего текста.

Мы рассмотрим такие допущения, как влияние неравенства на вероятность конфликта и возникновение «революционной угрозы», влияние уровня неравенства на перспективы демократизации и перераспределительный характер демократии. Помимо этого, мы раскроем значимость таких пробелов, как неопределенность источников и успеха коллективного действия, роль внутриэлитных конфликтов и потенциал для перераспределения без демократизации.

Анализ этих допущений и пробелов позволит нам показать, что нынешние формальные модели скорее успешно описывают причины демократизации, но недостаточны для описания того, как перераспределительный характер демократии является не имманентной характеристикой, а также является отражением политической борьбы уже в рамках демократии. Это позволит выдвинуть предположение о том, с чем связан рост неравенства, наблюдающийся в развитых западных странах с 1970-х годов, который не согласуется ни с изначальной моделью Кузнецца, ни с предсказаниями рассматриваемых нами моделей.

В следующем разделе нашей работы мы представим обзор исследований, которые так или иначе позволяют нам оценить правдоподобность некоторых допущений и предсказаний, лежащих в основе модели Аджемоглу-Робинсона. Поскольку представленная ими модель многоаспектна, она тяжело поддается проверке посредством эконометрического моделирования: слишком много факторов влияют друг на друга, причем динамическим образом, многие эффекты становятся обусловленными наличием предыдущих эффектов. Однако проверка отдельных допущений вполне может

политически активны и стремятся к перераспределению. В начальной точке политическое влияние определяется экзогенно, исключительно через распределение доходов, а в последующих точках на степень политического участия влияет полученное образование, которое в этой модели эндогенно.

осуществляться с помощью сравнительных количественных исследований. Мы рассмотрим исследования, посвященные трем аспектам модели Аджемоглу-Робинсона:

Связь между экономическим неравенством и конфликтами. Отдельно мы рассмотрим эффект «революционной угрозы».

Влияние уровня неравенства на вероятность демократизации.

Перераспределительный эффект демократии. Здесь мы рассмотрим теоретические дополнения от Аджемоглу, показывающие, в каких ситуациях демократия может не выполнять перераспределительную роль.

4 Приводит ли экономическое неравенство к политическому конфликту и «революционной угрозе»?

В модели Аджемоглу-Робинсона значимая роль отводится тому факту, что неравенство может являться катализатором политического конфликта. Однако насколько мы можем быть уверены в том, что такая связь вообще существует? Насколько неравенство порождает «революционные угрозы»? Ответ на этот вопрос ищут исследователи, работающие в рамках исследований связи между экономическим неравенством и политическим конфликтом (EI-PC). Краткий обзор этих исследований позволит нам, с одной стороны, понять, верифицируется ли основное допущение Аджемоглу-Робинсона о роли неравенства в конфликтах, а с другой, позволит сделать несколько концептуальных уточнений, которые помогают понять, почему результаты текущих эмпирических исследований скорее неоднозначны.

В исследовании Мюллера и Селигсона, классической работе в рамках рассматриваемого направления, отмечается, что экономическое неравенство (в первую очередь, неравенство доходов) оказывает влияние на масштаб политического насилия. Причем, это влияние сохраняется при контроле за показателями репрессивной мощи государства и его экономического развития [31]. Но Лихбах указывает на то, что результаты первой волны EI-PC исследований оказались неоднозначными; определённая связь была выявлена, но результаты оставались непоследовательными: эмпирические исследования слишком зависели от выбранных спецификаций и переменных, формальное моделирование не вполне помогало объяснить реальные кейсы, а теории относительной депривации и рационального выбора развивались обособленно, не дополняя друг друга[32].

В дальнейшем исследователи сосредоточились на выявлении факторов, которые могли быть отвечать за амбивалентность результатов. Хармс и Цинк отмечают, что выявленная неоднозначность связи между неравенством и политическим конфликтом может быть вызвана тем, что эта связь по-разному себя проявляет на разных стадиях экономического развития: социальный конфликт оказывается наиболее вероятен на

среднем этапе экономического роста, при котором перераспределительные требования оказываются выгодны массам (на низком уровне развития они не получают от них достаточной выгоды, а на высоком уровне нет необходимой мотивации, ведь блага можно получать от роста)¹²[33].

Бейтен и Мамм считают, что результаты предыдущих исследований были непоследовательны из-за неточности монетарных данных о неравенстве. Вместо этого, используя антропометрические данные (показатели роста), они показывают, что собранные ими данные, охватывающие период с 1816 по 1999 гг., позволяют зафиксировать, что относительное неравенство оказывается устойчивым предиктором гражданских войн[34].

Отдельные исследователи предпочли отойти от изучения поведенческих данных и от анализа связи между макропоказателями (уровнем неравенства и реальными случаями политических протестов и политического насилия), к анализу представлений и установок: Маккаллох[35] на основе данных опросов WVS и Евробарометра демонстрирует, что революционные предпочтения в стране зависят от уровня неравенства в стране в целом и уровня дохода человека. Солт напротив [36] на основе данных опросов ESS демонстрирует, что увеличение неравенства приводит к снижению вероятности участия в различных формах протеста среди всего населения, кроме самого обеспеченного¹³.

Еще один из путей преодоления неустойчивости результатов – дополнение объективных данных об экономическом неравенстве данными о том, как они получают социальное преломление. Это особенно важно, поскольку в модели Аджемоглу-Робинсона гомогенность конфликтующих групп полагается как аксиома – единственное различие между ними именно в уровне дохода. Крамер предлагает рассматривать неравенство как важный фактор развития социальных отношений, которые каждый раз имеют реляционный и специфический характер. Экономическое неравенство преломляется через существование категориального неравенства, которое всегда является следствием существования определенных политических структур [37]. В подтверждение анализа

---

¹² В целом такое наблюдение достаточно созвучно модели Аджемоглу-Робинсона, в которой, впрочем, экономический рост определяет только сложности коллективной организации, а вот в качестве опосредующей переменной, влияющей на мотивацию к участию в протесте, не рассматривается.

¹³ К сожалению, сравнивать выводы Маккалоха и Солта довольно тяжело: первый говорит о предпочтениях к революционным преобразованиям, второй об участии в ненасильственных формах протеста.

Крамера Эстби демонстрирует, что политический конфликт с большей вероятностью возникает в условиях наличия «горизонтального неравенства» (то есть неравенства между двумя или более обособленными группами)¹⁴ [38].

Аджемоглу и Робинсон отмечают эту проблему, когда пишут, что «предсказания относительно межгруппового неравенства могут не переходить в утверждения о стандарте измерения неравенства и распределения доходов (например, доля труда, или коэффициент Джини). Это особенно верно, когда политический конфликт проходит не между бедными и богатыми, но по другим разделительным линиям, допустим, между этническими или религиозными группами» [5: 62]. Однако в общем случае, считают Аджемоглу и Робинсон, вполне адекватно приравнивать группу «богатых» и группу политических «элит»¹⁵. Поскольку те, кто были изначально богатыми, могут использовать свои ресурсы для того, чтобы достичь власти, возможно, подкупая военных или иных политиков. Однако для Аджемоглу и Робинсона такие допущения остаются скорее аксиоматическими, в то время как исследования Крамера и Эстби показывают, что то, насколько модель анализа «богатые»-«бедные» будет адекватна, зависит от ситуации.

Еще одно важное дополнение заключается в необходимости проследить причинный путь от наблюдаемых протестов к демократизациям. В исследовании Хаггарда и Кауфмана выбрана именно эта стратегия. Вместо того, чтобы с помощью эконометрического анализа проверять связь между неравенством и демократизацией, они

---

¹⁴ Что интересно, однако, в исследовании Эстби горизонтальное неравенство ведет к политическим конфликтам больше в демократических странах. Таким образом, бинарный характер конфликта между «элитами» и «бедными» может быть характерен для автократий, но при переходе к демократиям может актуализироваться уже не вертикальное неравенство, а именно горизонтальное, что приведет к дестабилизации и гражданским конфликтам, которые в автократиях присутствовали в латентном виде.

¹⁵ Надо отметить, что во всех представленных моделях активные агенты рассматриваются как одновременно носители политических и экономических интересов. Так, правящие элиты — это одновременно и наиболее обеспеченные агенты, которые прямым образом осуществляют ту или иную политику для достижения оптимальных возможных результатов. В этих концепциях не принимается во внимание, что экономические элиты чаще всего могут влиять на государственные меры лишь опосредованно, а у политических элит может быть свой интерес к сохранению политической власти, который автономен от интересов «олигархов» к сохранению и накоплению своих богатств.

задаются вопросом, как часто, когда мы наблюдаем демократизацию, мы можем приписать ее перераспределительным требованиям? Они отмечают, что даже при самом расширительном понимании перераспределительных требований только 55% демократизаций можно атрибутировать конфликтам по поводу перераспределения. Исследователи отметили, что высокая доля демократизаций, вызванных перераспределительными конфликтами, в странах с высоким показателем неравенства противоречит теоретическим ожиданиям как модели Аджемогу-Робинсона, так и модели Буа. Хаггард и Кауфман приходят к выводу, что «теории распределительного конфликта в итоге могут оказаться условными по форме; то есть они зависят от стимулов и возможностей коллективных действий, которые на деле не сводятся к уровню неравенства» [39].

Исследование причин и сценариев демократизации позволяет заострить внимание на том обстоятельстве, что модель Аджемоглу-Робинсона применима только к революционным событиям, в центре которых вопрос о перераспределении. Аджемоглу и Робинсон отмечают, что многие демократические революции могут быть основаны на том факте, что политическая свобода может иметь ценность сама по себе без перераспределительных мотиваций. Такими, например, они считают процессы демократизации в Восточной Европе¹⁶. Такая демократизация оказывается за пределами охвата модели [4: 200].

Одним из любопытных аспектов модели Аджемоглу-Робинсона является то, что причинной силой в ней обладают не столько сами политические требования и политические выступления, сколько факт наличия «революционной угрозы». Один из способов выявить автономное влияние революционной угрозы состоит в том, чтобы исследовать не только политическое напряжение внутри страны, но и международную конъюнктуру, в которой революционные события в близлежащих странах могут символизировать «революционную угрозу» и в собственной стране. Айдт и Йенсен на панельных данных по европейским странам за период 1820-1938 гг. продемонстрировали,

---

¹⁶ Впрочем, отметим, что поспешное исключение восточноевропейских демократизаций из списка перераспределительных демократизаций может быть вызвано слишком большим акцентом на монетарных измерениях неравенства, в то время как демократизации вполне могли быть вызваны недовольством по отношению к неравномерному доступу к немонетарным благам. Это снова показывает, что модель Аджемоглу-Робинсона не вполне чувствительна к социальному неравенству, проходящему не по оси неравенства доходов.

что «революционная угроза» выступает в качестве независимого каузального механизма в процессе демократизации: революции в соседних странах вызывали у элит опасения, что такой сценарий может повториться и в их стране, что вынуждало их с опережением осуществлять определенные демократические реформы [40]. Схожим с предыдущим исследованием образом, но акцентируя внимание не на период расширения избирательных прав в XIX-XX вв., а на период «холодной войны», Анна и Веллер[41] демонстрируют в своем исследовании, что близость какого-либо крупного события, связанного с «коммунистической угрозой», оказывала влияние на политику государств, стимулируя их больше принимать во внимание интересы рабочих и инкорпорировать левых политиков в процесс принятия решений.

В целом следует отметить, что существующие на данный момент исследования не вполне позволяют прояснить причинно-следственные связи, заложенные в модели Аджемоглу-Робинсона. Исследования, нацеленные на исследование влияния неравенства на политический конфликт, сталкиваются с той проблемой, что «негативные настроения», связанные с неравномерным распределением ресурсов, могут повлиять на положение дел тремя способами: они могут привести к непосредственно политическому конфликту (разной степени жестокости), что и отразилось в результатах исследований; они могут приводить к тому, что власти, напуганные «революционной угрозой», предпримут меры по демократизации и прибегнут к обещаниям перераспределения (и тогда политический конфликт останется латентным, его цель будет достигнута без открытого противостояния); либо же высокий уровень неравенства и «революционной угрозы» приведет к повышению уровня политических репрессий, чтобы задавить в зародыше возможные политические действия.

Мы сталкиваемся с ситуацией, когда один и тот же механизм - перетекание неравенства в политическую угрозу режиму – может вызывать три разных исхода. В таком случае регрессионные модели, оценивающие вероятность одного из этих исходов, вряд ли покажут последовательные результаты. До непосредственно эмпирического моделирования необходимо теоретически проработать ряд условий, при которых мы ожидаем того или иного исхода. А эмпирическим опровержением выступит здесь не то, что события не приходят к тому или иному исходу, сколько ситуация, при которой страны с различными показателями неравенства оказываются одинаково стабильны в политическом плане. Если вероятность того, что в стране произойдет одно из трех событий: 1) гражданское столкновение 2) демократизация 3) усиление репрессий - не отличаются в странах с высоким и низким уровнем неравенства, только тогда можно будет говорить о том, что неравенство не играет никакой роли.

5 Проблема коллективного действия

Однако помимо трудностей эмпирической верификации, остается в модели Аджемоглу-Робинсона и концептуальное «слепое пятно», а именно – коллективное действие. Ряд авторов раскритиковали Аджемоглу за недостаточное внимание к проблеме коллективного действия. Такая проблема, с одной стороны, создает «пробел» в его теоретических построениях, а с другой может указывать в целом на неверно выбранный фокус, поскольку именно проблема организации коллективного действия может оказаться определяющей для потенциала к демократизации, а вовсе не уровень неравенства. Аджемоглу и Робинсон не дают убедительного аргумента, описывающего в каких случаях коллективное действие наиболее вероятно: они либо указывают на доступные механизмы преодоления проблемы «безбилетника» (идеологическую индоктринацию, избирательное обеспечение благами самых активных участников и исключение не-участников из дележки выгоды) либо же просто указывают на то, что эта проблема снижается по мере индустриализации и урбанизации¹⁷. Такая же ситуация наблюдается у Буа, который ограничивает внимание проблемы коллективного действия проблемой «доступа и распространения информации».

Отдельные критики отмечают, что в первую очередь необходимо говорить о проблеме коллективного действия и о ее решениях, в то время как проблема «неравенства» должна обсуждаться только в контексте того, имеет ли она последствия для решения проблем коллективной организации, а не в терминах индивидуальных расчетов издержек и выгод от революционного действия.

В работе Хаггарда и Кауфмана [39] выделяется три потенциальных барьера, которые указывают на вероятность преодоления проблемы коллективного действия: индустриализация и урбанизация приводят к концентрации населения, во-вторых, значение могут иметь институциональные предпосылки и прошлый опыт «демократизации» и существования организаций (партий, профсоюзов), отражающий предыдущие попытки демократизации; в-третьих, существует целый пласт литературы по

---

¹⁷ Автократическая катастрофа происходит в случаях, когда гражданское общество не обладает потенциалом к мобилизации. К сожалению, в построениях Аджемоглу не раскрывается фактор, который мог бы отвечать за преодоление трудностей коллективного действия. Таким образом, автократическая катастрофа в странах с высоких неравенством остается необъясненной

социологии социальных движений, которые указывают на культурные способы преодоления «проблемы коллективного действия».

Кифер в своей статье отмечает, что невнимание к проблеме коллективного действия у Аджемоглу и Робинсона не позволяет им зафиксировать тот факт, что обнаруженные связи между неравенством и демократизацией могут оказаться выражением «ненаблюдаемой переменной» – вероятности коллективного действия [42].

Эполт отмечает, что недостаточное внимание к проблеме организации «коллективного действия» не просто является слабым местом теории Аджемоглу и Робинсона, но и в целом скорее указывает на то, что неравенство ошибочно выступает как «промежуточный индикатор» для заинтересованности группы в революции. Революция может случиться в тех случаях, когда предвосхищения от выгод от нее выше, чем угрозы от участия в коллективном действии. Эта предпосылка в принципе не требует никакой гипотезы о наличии неравенства доходов в момент принятия решения [43]. Впрочем, критика Эполта доходит до крайности, когда утверждает, что модель, описывающая коллективные протестные действия, вообще может исходить из допущения, что неравенство в обществе отсутствует, а борьба может идти исключительно за политическую власть. Однако при полном равенстве гетерогенность групп, соревнующихся за власть, возникает в модели искусственно.

К сожалению, не так много статей на данный момент дополнили модель Аджемоглу-Робинсона указанием на возможности решения проблем коллективного действия. Исключением является работа Городниченко и Роланда: в их модели во внимание принимается роль политической культуры и ценностей [44]. Коллективистским культурам легче преодолеть проблему «коллективного действия», но они также имеют большую степень конформности. По этой причине в них чаще наблюдаются как политические конфликты, так и транзит от автократии к автократии; либо устойчивость «хороших» автократических режимов.

В целом, проблема коллективного действия в работах Аджемоглу-Робинсона скорее обходится, нежели решается, что создает необходимость дополнительной теоретической разработки факторов, определяющих возможность коллективного действия, его продолжительности и форм, в которые это коллективное действие кристаллизуется в результате удавшейся или неудавшейся демократизации.

6 Влияние неравенства на демократизацию

Одним из основных тезисов модели Аджемоглу-Робинсона является утверждение о том, что демократизация наиболее вероятна при среднем уровне неравенства, в то время как низкий уровень неравенства не создает достаточной мотивации для коллективного действия, а высокий уровень неравенства делает демократию слишком «дорогостоящей» для элит. Несмотря на значимость этого утверждения, эмпирических подтверждений этого тезиса немного: в недавнем исследовании Поликардо и Санчез Каррера осуществили редкую прямую проверку этой гипотезы. Используя модель логистической регрессии с фиксированными эффектами, они обнаружили нелинейную связь между неравенством и демократизацией для панели из 51 стран, претерпевших транзитные преобразования в 1960–2008 гг. Их данные показывают, что до показателя Джини 0,4 увеличение неравенства повышает вероятность демократизации, но после Джини 0,4 шансы на демократизацию снижаются[45].

Однако в целом на данный момент говорить о какой-то четко определенной связи между неравенством и демократизацией не приходится. Сформулировать однозначную гипотезу о влиянии неравенства на демократизацию оказывается достаточно сложно. По мнению Буа, высокое неравенство повышает для элиты цену потенциальной демократической экспроприации и заставляет ее с удвоенной силой защищать авторитаризм. Пусть так, но высокое неравенство также провоцирует бедных с удвоенной силой требовать демократии, ведь ее наступление сулит им больше выгод. С другой стороны, вопреки Буа, Аджемоглу и Робинсон считают, что именно низкое неравенство ведет к сохранению авторитаризма, поскольку не вызывает такого протеста со стороны бедных. Тем не менее, говорит Хоул, любой авторитаризм, даже в стране с умеренным неравенством, требует репрессий, пусть меньших, чем в крайне неравном обществе. В соответствии с этим тезисом эмпирический анализ Хоула не обнаруживает значимого влияния неравенства на демократизацию – позитивного или негативного. С другой стороны, низкое неравенство повышает шанс того, что в стране, где уже установилась демократия, не произойдет откат к авторитаризму [46]. Развивая эту критику в последующей статье, Хоул отмечает, что неравенство может приводить к демократии только при условии, что массы доверяют тому, что образовавшийся в результате демократизации государственный аппарат будет способен осуществить необходимые

перераспределительные действия [47: 504]. Как правило, чем беднее страна, тем меньше «дееспособность государства» (statecapacity)¹⁸ и тем менее рационально массам ожидать перераспределения по итогам демократизации. Кроме того, только в том случае, если у государства недостаточно развит аппарат принуждения и отсутствуют достаточные средства для финансирования репрессий, массам рационально принимать участие в протестных действиях, ведущих к демократизации. В иных случаях «цена участия» оказывается непропорционально высока. Таким образом, можно наблюдать обратную U-образную связь, при которой демократизация наиболее вероятна для стран среднего развития, в которых рост уровня неравенства повышает шанс демократизации.

Идею Буа о том, что связь между неравенством и демократизацией опосредуется мобильностью капитала, развивают Фримен и Куин [48]. Они отмечают, что создание диверсифицированного международного портфеля активов, которое признается в качестве «лучшей практики» финансового управления, имеет политические следствия. Во-первых, наличие активов во многих странах снижает интерес транснационального капиталистического класса к политической ситуации в каждой конкретной стране. Во-вторых, иностранные инвесторы не склонны или не способны участвовать в местной политической жизни в той же мере, в какой это было характерно для местной элиты в закрытых экономиках, – при наличии политических рисков (к примеру, риска масштабной экспроприации в случае наступления демократии) они просто не станут инвестировать в данную страну. В-третьих, международная мобильность капитала ограничивает свободу маневра правительств (как авторитарных, так и демократических) в вопросе повышения налогов (аргумент о структурной власти бизнеса). Все три фактора облегчают демократизацию в финансово открытых странах. Таким образом, авторы демонстрируют, что предсказания модели Аджемоглу-Робинсона сохраняются только в условиях экономически закрытой экономики: здесь демократия с более высокой вероятностью будет наблюдаться в странах со средним уровнем неравенства, а вот в открытых экономиках, напротив, демократизация наиболее вероятна при низком и высоком уровне неравенства [48: 69]. Хирой и Омори дополняют это рассуждение тем, что специфичность активов оказывает влияние на возможность переворотов и политической нестабильности только в условиях, когда автократический лидер принимает решение провести реформы [49].

---

¹⁸ Значимость «силы государственного аппарата» раскрывается в исследованиях Сойфера и Ли [Soifer, 2013; Lee, Gerecke, 2015]

7 Внутриэлитные конфликты

Однако проблема не только в том, чтобы эмпирически зафиксировать факт влияния неравенства на шансы демократизации, но и описать механизм этого процесса.

Тезис о демократизации как продукте перераспределительного конфликта, разделяемый Буа, Аджемоглу и Робинсоном, не остался без своих критиков. Одна из критических реплик принадлежит Бену Энселлу и Дэвиду Сэмюэльсу [50]. Они также ищут связь между неравенством и демократизацией, однако обнаруживают ее не в конфликте между богатыми и бедными. С точки зрения Энселла и Сэмюэльса, речь идет о попытке набирающих вес экономических групп защититься от экспроприации со стороны государства¹⁹. Исходя из этих предпосылок они постулируют, что демократизация более вероятна на фоне растущего неравенства в обществах, где появляются новые группы, накапливающие часть национального дохода и дистанцирующиеся по своему состоянию от бедных, но еще не имеющие защиту от богатых (чаще всего земельной аристократии).

В духе этой концепции Госал и Прото показывают, что при моделях, в которых существуют гетерогенные элиты и существует риск, что при дальнейшем сохранении автократии одна из ветвей элиты присвоит экономические блага себе, для «избегающей рисков» элит может быть рационально стимулировать демократизацию для того, чтобы в случае попыток нарушения баланса со стороны другой "элитной" группировки мобилизовать массы в свою поддержку. Таким образом, авторы несколько переворачивают модель Аджемоглу и Робинсона. Мобилизационный потенциал масс играет роль не за счет создания «революционной угрозы», а как источник опоры для одной из внутриэлитных группировок[51].

Концепция Аджемоглу и Робинсона могла бы быть усилена вниманием к тому, как демократизация может быть вызвана динамикой внутриэлитных конфликтов. Это, возможно, позволило бы учесть случаи демократизации в которых не прослеживается роль перераспределительного конфликта и социального напряжения между «бедными» и «богатыми».

---

¹⁹ Другими словами, Энселл и Сэмюэльс воспроизводят классический либеральный взгляд на демократию как на инструмент предотвращения злоупотреблений со стороны государства, восходящий к Джереми Бентаму и Джеймсу Миллю (см. Макферсон 2011), а также во многом вывод Б. Мура о демократии как политической форме разрешающей противоречие между городской буржуазией и земельными собственниками

8 Влияние демократии на неравенство

Один из важных компонентов модели Аджемоглу-Робинсона – перераспределительная концепция демократии. В то же время в формальных моделях этот перераспределительный аспект демократии заложен скорее аксиоматически на основе теоремы о медианном избирателе. Такое аксиоматическое положение перераспределительной концепции делает затруднительным описание случаев, в которых демократизация не способствует перераспределению, и не позволяет задать основополагающий вопрос о том, какие именно механизмы и демократические институты стимулируют сокращение неравенства, в том числе не позволяя говорить о преддистрибутивных механизмах.

Ранние исследования влияния демократизации на неравенство, основанные на сравнительном кросс-секционном дизайне, не смогли выявить устойчивого паттерна влияния демократии на неравенство [52; 53]. Боллен и Джекман предлагают несколько объяснений тому факту, что демократия не влияет на уровень неравенства: 1) Технологически детерминистские концепции индустриализации представляют именно технологическое развитие как определяющий фактор, который одновременно влияет на уровень неравенства и на тип политических институтов. Потенциально наблюдаемая связь между этими факторами оказывается «ложной корреляцией» опосредованной именно процессом индустриализации; 2) Ошибочно представление о том, что партии, выбранные большинством, будут преследовать интересы этого большинства – как и о том, что наименее обеспеченные будут голосовать за партии, которые представляют их «классовый интерес»; 3) Ошибочно представление о том, что неравенство оказывает делегитимирующую роль для демократии; делегитимация демократии происходит, только если неравенство воспринимается как несправедливое.

Позже эмпирические исследования нашли подтверждение перераспределительного характера демократии. Исследование Родрика позволяет утверждать, что уровень демократии влияет на то, какая степень национального дохода отводится на заработную плату, также как и производительность труда и уровень доходов в целом [21]. В исследовании Ревени и Ли отмечается, что показатели индекса развития демократии и открытости торговли связаны с уменьшением неравенства, в то время как объем прямых иностранных инвестиций повышает неравенство, по мнению авторов, за счет того, что либерализация рынка труда в стремлении привлечь иностранные инвестиции приводит к

повышению неравенства [54]. Обобщая полученные результаты, Миланович и Градстейн подчеркивают, что, хотя ранние исследования не смогли устойчиво проследить связь между демократизацией и уменьшением неравенства, более поздние и продвинутое исследования все же позволяют предположить, что эта связь существует. Однако в таком случае загадкой остаются восточно-европейские страны, в которых демократизация приводила скорее к повышению неравенства [55].

Тем не менее, результаты остаются неоднозначными. Тиммонс [56] в своей модели демонстрирует отсутствие устойчивой связи между уровнем демократии и сокращением неравенства; автор указывает, что нам нужно либо признать, что демократия не имеет перераспределительных последствий сама по себе, либо, что нам нужно уйти от вопроса о степени этого перераспределительного влияния к вопросу о том, в каких условиях это влияние имеет место. Среди вероятных обуславливающих эффектов он выделил распределение предпочтений относительно ожидаемых результатов, уровень социального доверия, качество управления, а также характер и первоначальное распределение активов.

Отдельные авторы отмечали, что влияние демократии на неравенство может быть нелинейным. Чонг в своей работе демонстрирует, что демократизация на ранних этапах может привести к увеличению неравенства и только затем вместе с «созреванием» демократии неравенство начинает уменьшаться [57]. Нелинейную модель влияния демократии отмечают и Аджемоглу с соавторами, которые указывают, что структурная трансформация, которая находится в основе модели Кузнецца, может быть не отражением исключительно экономических механизмов и технологического развития, но создана и политическими средствами. Эмпирически авторы показывают, что снижение доли занятых в сельскохозяйственном секторе снижается после демократизации, что, однако, может приводить к повышению неравенства в первые моменты после демократизации [58]. Буркхарт отмечает, что демократизация может изначально повысить уровень неравенства, поскольку изначально экономические выгоды от демократизации достаются именно городскому среднему классу: повышается за счет политических преимуществ, извлекаемых городским средним классом, а затем снижается поскольку больше людей адаптируется к новой экономической ситуации [59]. Чонг и Кальдерон отмечают, что демократизация может повысить неравенство за счет ухудшения положения тех, кто получает доход в неформальном секторе [57].

9 Автократическое перераспределение

Аксиоматическое допущение о перераспределительном характере демократии создает и еще одну «слепую зону» для модели Аджемоглу-Робинсона. Открытым остается вопрос, является ли демократизация единственным способом разрешить зарождающийся перераспределительный конфликт? Аджемоглу и Робинсон априорно полагают, что автократии не могут обеспечить должного уровня перераспределения и могут стабильно существовать только при условии изначального низкого неравенства и постоянного экономического роста.

В последнее время в академических дискуссиях возникает и обратное утверждение о том, что автократических режимы не обязательно выполняют исключительно «хищнические» функции, способствующие накоплению богатства элитами, и что они могут при достаточной силе государственного аппарата вполне осуществлять перераспределение к беднейшим слоям населения, которые в демократической системе все равно лишены политического влияния [60]. В частности, Альбертус отмечает, что определенные перераспределительные меры становятся почти невозможны при плюралистической демократии, и в таком случае насущные вопросы вроде земельной реформы могут не реализоваться, усиливая неравенство. Альбертус отмечает, что только централизованное автократическое правительство может реализовать такой сложный проект, как земельные реформы и перераспределение. Если демократизация произойдет без решения этой проблемы, то возможность для подобного вида перераспределительной политики будет скорее закрыта.

Как отмечают другие исследователи, Сингапур, который для Аджемоглу и Робинсона является примером страны, в которой неравенство было столь низко, что вопрос революционных преобразований не поднимался, не вполне соответствует этому описанию. Неравенство в Сингапуре превосходило неравенство, которое существовало в Аргентине на момент демократической революции 1973 года. Более того, для правительства Сингапура в момент обретения независимости была актуальна «революционная угроза» и давление со стороны социалистических движений, однако ответ на эту угрозы был найден не в демократизации, а в перераспределительных мерах, нацеленных на субсидирование жилищного строительства, распространение образования и увеличение доступности здравоохранения. Неравенство снизилось именно в результате

этих авторитарных перераспределительных мер и достигло того уровня, который в модели Аджемоглу снижает революционную угрозу. Пример Сингапура может опровергнуть один из постулатов концепции Аджемоглу о том, что авторитарные правительства не могут завоевать достаточного доверия к своим перераспределительным мерам [61].

Собственно, и у самого Аджемоглу есть «сценарий», при котором перераспределительная политика будет осуществляться без демократизации: при наличии постоянной революционной угрозы, обещания перераспределения становятся более «заслуживаемыми довериям», в таких ситуациях элитам возможно выгоднее перейти к перераспределительным мерам напрямую, без демократизации. Такой случай по указаниям Аджемоглу и Робинсона характерен для Германии при Бисмарке, в которой постоянное наличие угроз со стороны социалистических партий позволяло государству достаточно долго осуществлять авторитарную перераспределительную политику [3: 1176].

9 В каких условиях демократии выполняют перераспределительную функцию?

Отчасти пересматривая некоторые допущения своей модели, в более позднем обзоре Аджемоглу с соавторами отмечает, что демократизация не обязательно приводит к снижению неравенства. За это ответственны три возможных механизма: инвестиции элит в «захват демократии», демократическое перераспределение не в сторону обездоленных (которые зачастую остаются исключенными из политического процесса, несмотря на формальную демократизацию), а в пользу среднего класса; и открытие экономических возможностей для прежде ограниченных групп, что рождает внутригрупповое неравенство в доселе гомогенных группах [58]. Авторы приходят к выводу, что демократизация зачастую оказывает влияние на повышение доли налогов, на увеличение набора в школы, но влияние непосредственно на распределение доходов остается неоднозначным. По мнению авторов, перераспределительная роль демократии может иметь место, но в случаях, когда демократизация происходит в странах, проходящих структурную трансформацию (то есть реструктуризацию занятости из одной сферы в другую). Когда высоко земельное неравенство можно ожидать скорее повышательного воздействия демократии на неравенство.

Шев и Стесевдж выделяют три причины, по которым неравенство богатства может сохраняться при демократической системе [62]. Во-первых, в обществе может сохраняться стратификация на основе отличной от распределения доходов (что не принимается во внимание формальными 2-х и 3-х классовыми моделями); во-вторых, отношение к распределению и неравенству опосредуется воспринимаемыми возможностями для мобильности; в-третьих, в демократиях может произойти «захват демократии» элитами.

Они отмечают, что на данный момент существует четыре концептуальных варианта, когда можно думать о «захвате демократии»: 1) Прямая пропорциональность экономической и политической 2) структурная зависимость государства от капитала 3) корреляция между «предпочтениями» законодателей и индивидов с высоким доходом. 4) Рассмотрение того, как именно «богатые» элиты могут направить свои ресурсы на то, чтобы «захватить» процесс принятия решений.

В статье 2008 года Аджемоглу и Робинсон предложили модель, в которой при определенных условиях, потеря элитами де-юре власти стимулирует их обращаться к иным, доступным средствам обладания богатством, способам защиты своих интересов. Если такой «захват» государства происходит успешно, то демократическое перераспределение может быть заблокировано. Таким образом, дальнейшие построения Аджемоглу и Робинсона демонстрируют, что формальное расширение избирательных прав не является гарантией подлинной демократизации, а элиты вслед за потерей де-юре власти могут инвестировать свои богатства в средства влияния, характерные для демократических систем, что усложняет допущения изначального анализа и заставляет искать дополнительные факторы политической кривой Кузнецца уже за пределами самого факта демократизации [63].

Тэм делает важное дополнение, указывая на то, что после достижения всеобщего избирательного права, неверно говорить о полной демократизации; продолжает идти борьба за достижение демократических прав и улучшение социально-экономического положения различных групп. Перераспределительные последствия оказываются зависимы от того, насколько различные группы продолжают быть инвестированы в политический процесс [64]. Это отличает его рассуждения от модели Аджемоглу-Робинсона, в которой массы играют активную роль лишь как потенциальные поставщики «угрозы революции», после чего их политическая деятельность сводится к роли медианного избирателя.

Таким образом, в модели Аджемоглу-Робинсона роль масс в разных ситуациях различна. В этой модели возможность проявить свою политическую силу у масс появляется лишь на определенный период, причем недостаточный для того, чтобы произошло перераспределение. В итоге относительно прямого перераспределения массы могут рассчитывать лишь на «обещание перераспределения». При такой объяснительной цепочке, демократия и расширение политических прав выступает как *commitment device*, который сообщает массам, достигшим состояния политической власти, что их требования будут соблюдаться и в будущем.

Демократизация в концепции Аджемоглу выступает своего рода финальной точкой, итогом политического противостояния, который в определенных условиях может снова перейти в состояние автократии или захваченной демократии, однако в их описании демократии политика сводится к выбору медианным избирателем предпочитаемых мер перераспределения, а вот угроза коллективного действия уходит на второй план. Мы же считаем, что именно тот аспект демократизации, что она не просто создаёт электоральные возможности ведущие к перераспределению, а может снижать «стоимость» коллективного

действия, определяет ее как политическую форму, которую бедные могут выбрать вместо революции или обещаний перераспределения.

Основное слабое место модели Аджемоглу-Робинсона в том, что она мало позволяет говорить о динамике неравенства уже после того, как достигнута полная демократизация. Это затрудняет анализ повышения уровня неравенства в ряде демократических стран, наблюдающийся с 1970-х годов. Как мы показали выше, это отчасти связано с аксиоматическим полаганием перераспределительного характера демократии и тем, что во внимание не принимаются демократические институты, влияющие на предистрибутивные отношения²⁰.

Примечательно, что при объяснении динамики неравенства в странах, проходящих процесс демократизации, Аджемоглу опирается именно на политическое прочтение. Однако, когда речь идет о росте неравенства в уже развитых демократиях, он предпочитает говорить о значимости технологических факторов. Таким образом, в работе Аджемоглу становится заметен определенный разрыв. По мнению ряда исследователей (в числе которых Аджемоглу), именно технологический фактор является наиболее убедительным объяснением роста неравенства, в то время такие факторы, как падение реального размера минимальной оплаты труда, снижение количества профсоюзов, глобализация и либерализация международной торговли объясняют лишь остаточные эффекты и скорее во взаимодействии с технологическими изменениями²¹.

---

²⁰Соммерс и Блок решая схожую с Аджемоглу-Робинсоном проблему, указывал на ограничения анализа Пикетти и указывая на то, что более подходящим объяснением для понижения неравенства является вовсе не экзогенные факторы (либо во всяком случае их влияние должно быть опосредованным), а политические факторы, которые влияют на предистрибутивное распределение доходов [Somers, Block, 2020]

²¹Тезис о росте неравенства из-за SkillBiasedTechnologicalChange (SBTC) предполагает, что на ранней стадии внедрения технологий работа с ними потребует высокого уровня квалификации, который будет в дефиците на рынке труда. Поэтому занятые в высокотехнологичном секторе будут получать большую «премию» за свою квалификацию, в то время как менее квалифицированные работники будут получать либо ту же зарплату, либо меньшую, поскольку новая технология может понизить стоимость труда. Однако с переходом большей частей людей в этот высокотехнологичный сектор неравенство начинает снижаться. Таким образом, кривая Кузнеца, которая ранее приписывалась механизму перехода населения из сельского хозяйства к городской промышленности, обретает циклический характер, связанный с появлением новых

Предистрибутивные политические факторы для Аджемоглу-Робинсона остаются в области «естественного» и экономического. В частности, Аджемоглу-Робинсон игнорируют классовую борьбу и отношения капитала-труда, как элемент определяющий предистрибутивное распределение средств, что не позволяют им в полной мере очертить политические структуры, влияющие на уровень неравенства.

Дена Фримен отмечает, что в современных дискуссиях о росте неравенства почти игнорируется политический аспект – в центре внимания оказываются технологические изменения и либерализация торговли²²; в то время как, по ее мнению, основная причина возрастающего неравенства – это уменьшающаяся репрезентация масс и рабочего класса в демократических процедурах [47]. Если следовать концепции «политической кривой Кузнецца (рост неравенства)», который мы наблюдаем с 1970-х гг., может пойти вспять только по политическим причинам, при наличии достаточной «угрозы революции».

Ли и Герек, впрочем, считают, что необходимо сформулировать этот тезис более мягко. Они говорят скорее не о «революционной угрозе», а формулируют концепцию так называемого «Момент Кузнецца»: такого положения дел, при котором рост неравенства приводит к определенной политической конъюнктуре, при которой открываются возможности для ребалансировки распределения доходов. То, будет ли в этот момент принято решение, способствующее перераспределению, либо способствующее дальнейшему росту неравенства, зависит от баланса политических сил и главенствующего дискурса. Ли и Герек отмечают, что «политический провал», заключающийся в том, что при возникновении «момента Кузнецца» не будут осуществлены необходимые меры,

---

технологий [Galor, Tsiddon, 1997]. Как только в экономике появляются внутренние стимулы для постоянного технологического обновления, а не разового экономического прорыва, увеличение и снижение неравенства приобретают циклический характер [List, Gallet, 1999]. Степень этого неравенства определяется тем, что называется «гонкой между образованием и технологиями»: неравенство, вызванное технологическими факторами, продолжает расти до той поры, пока технологическое развитие опережает распространение образования и более высоких его уровней [Goldin, Katz, 2010].

²²Аджемоглу показывает, как неравенство усиливается в результате сокращения количества членов профсоюзов, хотя и не является основной причиной. Основной причиной Аджемоглу называет повышательное воздействие на неравенство технологических изменений, которое одновременно делает профсоюзы менее привлекательными для работников, и что снижает возможности профсоюзов влиять на неравенство зарплата [Acemoglu, et al., 2001]

направленные на перераспределение, могут приводить к так называемой «Кузнецовой отместке» (Kuznetsianrevenge), приводящей к замедлению экономического роста, макроэкономической нестабильности и политическим конфликтам, которые будет затруднительно разрешить демократическим путем²³[2].

В этом разделе мы хотим продемонстрировать то, что одним из возможных объяснений роста неравенства в западных странах является сужение пространства для коллективного действия среди организованного рабочего движения. Такая динамика соответствует духу концепции Аджемоглу и Робинсона, хотя и в целом их концепция скорее фокусируется на «демократических протестах» и стихийных революционных угрозах, нежели на установившихся формах коллективного действия, которые могут отвечать за поддержание достигнутого уровня равенства помимо электоральных механизмов перераспределения.

Подтвердить этот тезис нам помогут ряд исследований, проведенных за последнее время, которые демонстрируют, что повышение уровня неравенства связано с институциональной силой рабочего движения.

Так, Родрик отмечает, что демократии создают пространство для коллективной организации рабочих организаций и создают для политических партий мотивацию бороться за интересы рабочих, что приводит к повышению доли трудовых доходов в промышленности [21]. Базильер и Сирвен, постулируя существование «социальной кривой Кузнеца», демонстрируют, что успешная имплементация «стандартов трудовой занятости» изначально приводит к повышению неравенства за счет усиления различий между формальным и неформальным сектором, а затем к понижению неравенства по мере того, как трудовые стандарты распространяются на всю экономику. Понижительный эффект трудовых стандартов, впрочем, зависит от достигнутого уровня демократии, которая способствует наличию общественных структур, способных отслеживать и влиять на успешную имплементацию этих стандартов. Таким образом, неравенство понижается при условии успешных институтов, реализующих имплементацию «стандартов трудовой занятости» и при наличии институтов партисипаторной демократии [65].

---

²³ Концепция момента Кузнеца позволяет зафиксировать тот факт, что даже если растущее неравенство в западных странах было вызвано действительно не политическими причинами, а скорее структурными факторами, то сам рост неравенства открывает политический возможности, в рамках которых либо произойдет «новая» демократизация и выработка перераспределительных мер, либо система может прийти в кризисное и неустойчивое состояние [Lee, Gerecke, 2015]

Кальдерон и Чонг демонстрируют, что такие меры как де-факто регулирование рынка труда и де-юре регулирование рынка (второй аспект более значим в странах с более высоким доверием) труда оказывают влияние на распределение доходов, в частности основное значение имеют объем членства в профсоюзах, количество дней, предоставляемых на отпуск по уходу за ребенком, и ратификация 87 конвенции Международной организации труда [66].

Исследование Кристал показывает, что уровень неравенства в развитых западных странах после 1980 года связан с тем, насколько сохранили свою переговорную силу рабочие организации. Доля труда в национальном доходе зависит от наличия у рабочих организаций экономической, политической власти и от структурного положения национального рабочего класса в глобальном разделении труда [67].

Йованович задается вопросом на примере постсоветских стран, в каких условиях кривая Кузнецца наблюдается, то есть в каких случаях экономический рост сопровождается понижением неравенства? Его ответ заключается в том, что в случае, когда существуют институты, регулирующие рынок труда, когда проводится антимонопольная политика и когда наблюдаются более высокие налоги. Впрочем, авторы отмечают, что эти институциональные аспекты не связаны эмпирически с количеством протестов; таким образом, отмечают авторы, хотя кривая Кузнецца наблюдается в определенных институциональных условиях, по-видимому, эти условия не вызваны протестными волнами [68]

Хоуп и Мартели показывают, что экзогенные технологические шоки могут оказать влияние на неравенство доходов, в частности в созвучии с концепцией SBTC (*skillbiased technological change*) они показывают, что неравенство увеличивается в странах, для которых больше характерна относительно высокая доля «экономики знаний», однако это влияние отнюдь не автоматическое. В тех странах, где сильны институты рынка труда, такие как скоординированные переговоры по заработной плате, строгое законодательство о защите занятости, высокая плотность профсоюзов и высокий охват коллективными переговорами, влияние перехода к экономике знаний на неравенство заметно ниже [69].

Стелцнер и Пол показывают, что участие работников в коллективных действиях приводит к снижению неравенства, однако сама возможность коллективного действия опосредуется институциональным окружением и государственной политикой. В условиях монополии на рынке труда и государственной политики, направленной на дерегуляцию отношений труда и капитала, коллективное действие для работников становится затруднительным, что приводит к повышению неравенства [70].

Олкуист в своем обзоре показывает, что на протяжении XX века профсоюзы играли уравнивающую роль, причем эта уравнивающая роль тем сильнее, чем прочнее демократические институты в стране. Однако роль профсоюзов в последние десятилетия уменьшается, ранее наблюдаемая связь между плотностью профсоюзов и снижением неравенства становится слабее, а сами профсоюзы начинают быть больше ориентированы не на общую перераспределительную политику, а на защиту членов профсоюза («labormarketinsiders») [71].

Вышеописанные исследования создают почву для правдоподобного предположения, что среди институциональных аспектов, влияющих на распределение доходов, можно выделить не только демократизацию и прямые перераспределительные предпочтения, но и внедрение мер регулирования труда, что упускается в моделях Асемоглу и Робинсона и может служить альтернативным следствием «угрозы революции».

Как мы показали выше, в своей модели Аджемоглу отталкивается от интуиций Решемейера и Стивенса, но избавляет эти концепции от проблематики «капитализма» и «классовой борьбы». Однако, как мы показали в этом разделе, есть основания полагать, что именно это не в полной мере позволяет Аджемоглу описать динамику неравенства в уже демократизированных странах. В модели Решемейера для формирования демократии важным является формирование и поддержание организаций «подчиненных» (subordinate) классов. В условиях существования таких организаций, которые репрезентируют интересы масс, создается предпосылка для разрешения потенциальных конфликтов демократическим путем: «именно рост контргегемонии подчиненных классов и особенно рабочего класса - развиваемой и поддерживаемой путем организации и роста профсоюзов, партий рабочего класса и подобных групп - имеет решающее значение для становления демократии» [17]. Решемейер утверждает, что создание демократических структур подразумевает не только расширение демократических прав, но и расширение организационных сил, представляющих массовые классы. Таким образом, модель Аджемоглу фокусируется на «революционных вспышках» и институциональных структурах, обещающих перераспределение, в то время как существует и устойчивые организационные формы, укорененность которых может оказаться более значимым последствием «революционного момента», нежели перераспределение.

Однако наш анализ не предполагает, что решением проблемы неравенства является именно реактуализация организованного рабочего движения в том виде, в котором оно существовало в XX веке. По всей видимости, такой исход маловероятен и в новых условиях не обязательно приведет к понижательному воздействию на неравенство. Тем не

менее, он позволяет акцентировать значимость «конфликтных» демократических институтов уже после того, как «революционная угроза» была предотвращена с помощью достижения компромисса. Без институтов, которые низовым образом продолжают, пусть и в смягченном виде, поддерживать определенную угрозу конфликта, сама по себе политическая демократия не имеет механизмов, защищающих ее от захвата олигархическими группами, что приводит к повышению неравенства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели модели, которые позволяют объяснить динамику неравенства в модели Кузнецца с помощью политических факторов. Основным преимуществом рассматриваемых нами моделей остается их принципиальная политическая открытость; хотя формальные модели описывают детерминистские модели поведения, в реальности, то в какой из «веток» игры окажутся расположены агенты, зависит от их собственных политических выборов и от условий, на которые они обращают внимание при принятии решений. В модели Аджемоглу-Робинсона оптимальным решением для политических элит в ответ на недовольство масс оказывается расширение избирательных прав. Но в каких условиях это решение остается оптимальным? И, что важнее, какие стратегии для заинтересованных агентов оказываются оптимальными после достижения полной формальной демократии?

В целом текущие исследования позволяют утверждать, что при определенных дополнениях формальная модель Аджемоглу и Робинсона хотя бы отчасти позволяет описать наблюдаемые тенденции. Однако противоречивость и неустойчивость полученных результатов указывает на то, что проверка концепции с помощью эконометрических моделей может быть преждевременна из-за сложностей с сопоставлением элементов формальных моделей и эмпирических индикаторов. Более адекватной стратегией видится использование методов сравнительной исторической социологии, которых и придерживались в своей работе Аджемоглу и Робинсон. Эконометрические модели на данном этапе могут выступать скорее в роли «указателей» на нетипичные и нестандартные кейсы. Они также могут помочь уточнить дополнительные условия, при которых предсказания остаются верными (как, например, в исследовании Фримена).

В представленном тексте мы рассмотрели три основных допущения модели Аджемоглу-Робинсона. Результаты исследований позволяют предположить, что хотя бы в определенных условиях они выполняются. Дальнейшие исследования должны быть направлены на уточнение этих условий и того, насколько они могут быть вписаны в изначальную модель и согласуются ли они с тезисом о «политическом факторе кривой Кузнецца». Отметим также, что в самой модели Аджемоглу-Робинсона остаются некоторые концептуальные недосказанности: 1) Необходимость принимать во внимание, что

перераспределительные конфликты не всегда возникают на основе денежного неравенства и порой они структурированы сложнее, чем противостояние интересов двух или трех доходных групп; 2) Необходимость более четко описать роли не-перераспределительных демократизаций и их влияние на последующую динамику неравенства; 3) Отсутствие понимания того, в каких все-таки условиях уровень неравенства связан с шансами демократизации; 4) Дальнейшее уточнение связи между перераспределением и демократией, в том числе включение в модель условий, при которых перераспределение возможно без демократизации (в результате действий элит, либо в результате революций, не приводящих к демократическому исходу); 5) Уточнение роли коллективного действия как условия снижения неравенства уже после демократизации. Последнее обстоятельство особенно важно, поскольку без учета этого фактора политическое объяснение увеличения неравенства в ряде западных стран с 1970-х годов в рамках модели Аджемоглу-Робинсона становится затруднительным.

Как мы попытались продемонстрировать в нашей работе, один из путей для концептуального развития моделей «политической кривой Кузнеца» может быть связан с анализом того, какие структуры коллективного действия возникают в ходе демократизации. В частности, мы обратили внимание на значимость институтов, выражающих интересы рабочего класса. Отдельной повесткой для исследований остается влияние капитализма и структурной зависимости государства от движения капитала. На текущий момент в моделях Аджемоглу-Робинсона, Буа и Бургиньона структурная сила капитала остается не раскрытой, а единственными агентами являются политические элиты, принимающие решение о расширении политических прав и перераспределительных мерах. Анализ, избегающий этих ограничений, по-видимому, должен принять во внимание не только межличностное неравенство, но и неравенство по доле различных групп в национальном доходе (полезную типологию предлагают Рональди и Миланович [72]).

По-видимому, политический анализ проблемы неравенства будет набирать обороты в ближайшее время. Конечно, после выхода монументальной работы Пикетти, основное внимание стало уделяться идеологической проблеме легитимации неравенства [Piketty, 2020; Iversen, Soskice, 2015]. Относительно независимой от описанных выше направлений остаются работы Стиглица, демонстрирующие, что рост неравенства вызван политическими возможностями по формированию монопольной ренты [Stiglitz, 2015]. Однако именно рассмотренные нами модели предлагают описание, включающее в себя коллективное политическое действие как одну из детерминант уровня неравенства.

Вопрос о том, как связаны неравенство, политическое участие и демократические институты, в ближайшее время вряд ли уйдет с повестки дня. Мы показали в нашей работе, что формальное моделирование этого взаимовлияния позволяет зафиксировать ряд правдоподобных гипотез исторического характера, но задача состоит в том, чтобы развить этот концептуальный аппарат для анализа динамики неравенства в современном мире. Для этого мы провели переосмысление ряда допущений этих моделей и пришли к выводу, что требуется уточнение потенциала и роли коллективного действия, межэлитных конфликтов и возможностей по «захвату государства» элитами в уже установившейся демократии.

БЛАГОДАРНОСТИ

Препринт подготовлен на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2021 год.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kuznets S. Economic growth and income inequality // *The American economic review*. 1955. № 1 (45). С. 1–28.
2. Lee S., Gerecke M. *Economic development and inequality: revisiting the Kuznets curve* Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015.
3. Acemoglu D., Robinson J. A. Why did the West extend the franchise? Democracy, inequality, and growth in historical perspective // *The quarterly journal of economics*. 2000. № 4 (115). С. 1167–1199.
4. Acemoglu D., Robinson J. A. The political economy of the Kuznets curve // *Review of development economics*. 2002. № 2 (6). С. 183–203.
5. Асемоглу Д., Робинсон Д. А. Экономические истоки диктатуры и демократии / Д. Асемоглу, Д. А. Робинсон, М.: ВШЭ, 2015.
6. Lipset S. M. Some social requisites of democracy: Economic development and political legitimacy // *American political science review*. 1959. № 1 (53). С. 69–105.
7. Deininger K., Squire L. New ways of looking at old issues: inequality and growth // *Journal of development economics*. 1998. № 2 (57). С. 259–287.
8. Przeworski A., Limongi F. *Modernization: Theories and facts* // *World politics*. 1997. № 2 (49). С. 155–183.
9. Boix C. *Democracy and redistribution* / C. Boix, Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

10. Bourguignon F., Verdier T. Oligarchy, democracy, inequality and growth // *Journal of development Economics*. 2000. № 2 (62). С. 285–313.
11. Robinson S. A note on the U hypothesis relating income inequality and economic development // *The American economic review*. 1976. № 3 (66). С. 437–440.
12. Williamson J. G. *Did British capitalism breed inequality?* Routledge, 1985.
13. Greenwood J., Jovanovic B. Financial development, growth, and the distribution of income. *Journal of Political Economy*. 1990. 98 (5). С. 1076–1107.
14. Aghion P., Bolton P. A theory of trickle-down growth and development // *The Review of Economic Studies*. 1997. № 2 (64). С. 151–172.
15. Perotti R. Political equilibrium, income distribution, and growth // *The Review of Economic Studies*. 1993. № 4 (60). С. 755–776.
16. Мур-младший Б. Социальные истоки диктатуры и демократии. Роль помещика и крестьянина в создании современного мира / Б. Мур-младший, М.: ВШЭ, 2019.
17. Rueschemeyer D., Stephens E. H., Stephens J. D. *Capitalist development and democracy* / D. Rueschemeyer, E. H. Stephens, J. D. Stephens, Chicago: University of Chicago Press, 1992.
18. Meltzer A. H., Richard S. F. A rational theory of the size of government // *Journal of political Economy*. 1981. № 5 (89). С. 914–927.
19. Figini P. *Inequality and growth revisited* / P. Figini, Dublin: Department of Economics, Trinity College, 1999.
20. Perotti R. Growth, income distribution, and democracy: What the data say // *Journal of Economic growth*. 1996. № 2 (1). С. 149–187.
21. Rodrik D. Democracies pay higher wages // *The Quarterly Journal of Economics*. 1999. № 3 (114). С. 707–738.
22. Benabou R. Inequality and growth // *NBER macroeconomics annual*. 1996. (11). С. 11–74.
23. Wisman J. D. Politics, not economics, ultimately drives inequality // *Challenge*. 2017. № 4 (60). С. 347–367.
24. Freeman D. De-Democratisation and Rising Inequality: The Underlying Cause of a Worrying Trend // *Global Society*. 2018. 32(3). С. 344–364.
25. Simpson M. Political rights and income inequality: A cross-national test // *American Sociological Review*. 1990. С. 682–693.
26. Justman M., Gradstein M. The industrial revolution, political transition, and the subsequent decline in inequality in 19th-century Britain // *Explorations in Economic History*. 1999. 36 (2). С. 109–127.

27. Milanović B. Determinants of cross-country income inequality: An ‘augmented’Kuznets hypothesis London: Palgrave Macmillan, 2000. C. 48–79.
28. Lindblom C. E. The market as prison // *The Journal of Politics*. 1982. № 2 (44). C. 324–336.
29. Block F. Revising state theory: Essays in politics and postindustrialism / F. Block, Philadelphia: Temple University Press, 2010.
30. Winters J. A. Power in motion: Capital mobility and the Indonesian state / J. A. Winters, New York: Cornell University Press, 1996.
31. Muller E. N., Seligson M. A. Inequality and insurgency // *American political science Review*. 1987. № 2 (81). C. 425–451.
32. Lichbach M. I. An evaluation of “does economic inequality breed political conflict?” studies // *World politics*. 1989. № 4 (41). C. 431–470.
33. Harms P., Zink S. Growing into and out of social conflict // *Economica*. 2005. № 286 (72). C. 267–286.
34. Baten J., Mumme C. Does inequality lead to civil wars? A global long-term study using anthropometric indicators (1816–1999) // *European Journal of Political Economy*. 2013. (32). C. 56–79.
35. MacCulloch R. Income inequality and the taste for revolution // *The Journal of Law and Economics*. 2005. № 1 (48). C. 93–123.
36. Solt F. Economic inequality and nonviolent protest // *Social Science Quarterly*. 2015. № 5 (96). C. 1314–1327.
37. Cramer C. Does inequality cause conflict? // *Journal of International Development: The Journal of the Development Studies Association*. 2003. № 4 (15). C. 397–412.
38. Østby G. Inequalities, the political environment and civil conflict: Evidence from 55 developing countries London: Palgrave Macmillan, 2008.C. 136–159.
39. Haggard S., Kaufman R. R. Inequality and regime change: Democratic transitions and the stability of democratic rule // *American Political Science Review*. 2012. № 3 (106). C. 495–516.
40. Aidt T. S., Jensen P. S. Workers of the world, unite! Franchise extensions and the threat of revolution in Europe, 1820–1938 // *European Economic Review*. 2014. (72). C. 52–75.
41. Sant’Anna A. A., Weller L. The Threat of Communism during the Cold War: A Constraint to Income Inequality? // *Comparative Politics*. 2020. № 3 (52). C. 359–393.
42. Keefer P. Inequality, collective action, and democratization // *PS: Political Science & Politics*. 2009. 42 (4). C. 661–666.

43. Apolte T. Why is there no revolution in North Korea? // *Public Choice*. 2012. 150(3-4). C. 561–578.
44. Gorodnichenko Y., Roland G. National Bureau of Economic Research. *Culture, institutions and democratization*. 2015.
45. Policardo L., Sanchez Carrera E. J. Can income inequality promote democratization? // *Metroeconomica*. 2020. № 3 (71). C. 510–532.
46. Houle C. Inequality and democracy: Why inequality harms consolidation but does not affect democratization // *World politics*. 2009. № 4 (61). C. 589–622.
47. Houle C. Inequality, economic development, and democratization // *Studies in Comparative International Development*. 2016. № 4 (51). C. 503–529.
48. Freeman J. R., Quinn D. P. The economic origins of democracy reconsidered // *American Political Science Review*. 2012. № 1 (106). C. 58–80.
49. Hiroi T., Omori S. Policy change and coups: The role of income inequality and asset specificity // *International Political Science Review*. 2015. № 4 (36). C. 441–456.
50. Ansell B., Samuels D. Inequality and Democratization: A Contractarian Approach // *Comparative Political Studies*. 2010. 43 (12). P. 1543–1574.
51. Ghosal S., Proto E. Democracy, collective action and intra-elite conflict // *Journal of Public Economics*. 2009. 93(9-10). C. 1078–1089.
52. Sirowy L., Inkeles A. The effects of democracy on economic growth and inequality: A review // *Studies in comparative international development*. 1990. № 1 (25). C. 126–157.
53. Bollen K. A., Jackman R. W. Political democracy and the size distribution of income // *American Sociological Review*. 1985. № 4 (50). C. 438–457.
54. Reuveny R., Li Q. Economic openness, democracy, and income inequality: An empirical analysis // *Comparative Political Studies*. 2003. № 5 (36). C. 575–601.
55. Gradstein M., Milanovic B. Does liberté= égalité? A survey of the empirical links between democracy and inequality with some evidence on the transition economies // *Journal of Economic Surveys*. 2004. № 4 (18). C. 515–537.
56. Timmons J. F. Does democracy reduce economic inequality? // *British Journal of Political Science*. 2010. № 4 (40). C. 741–757.
57. Chong A., Calderon C. Institutional quality and income distribution // *Economic Development and Cultural Change*. 2000. № 4 (48). C. 761–786.
58. Acemoglu D. [и др.]. *Democracy, redistribution, and inequality* Amsterdam: Elsevier, 2015. C. 1885–1966.
59. Burkhart R. E. Comparative democracy and income distribution: shape and direction of the causal arrow // *The Journal of Politics*. 1997. № 1 (59). C. 148–164.

60. Albertus M. *Autocracy and redistribution: The politics of land reform*. New York: Cambridge University Press, 2015.
61. Peng Y. Strong theories, weak evidence: The effect of economic inequality on democratization // *Living reviews in Democracy*. 2013. 41–12.
62. Scheve K., Stasavage D. *Wealth Inequality and Democracy* // *Annual Review of Political Science*. 2017. 20(1). C. 451–468.
63. Acemoglu D. [и др.]. Income and democracy // *American Economic Review*. 2008. № 3 (98). C. 808–42.
64. Tam H. An economic or political Kuznets curve? // *Public Choice*. 2008. № 3 (134). C. 367–389.
65. Bazillier R., Sirven N. Is There a Social Kuznets Curve? The Influence of Labour Standards on Inequality // *The Journal of Development Studies*. 2008. 44 (7). C. 913–934.
66. Calderón C., Chong A. Labor market institutions and income inequality: An empirical exploration // *Public Choice*. 2009. 138 (1-2). C. 65–81.
67. Kristal T. Good Times, Bad Times: Good Times, Bad Times: Postwar Labor's Share of National Income in Capitalist Democracies // *American Sociological Review*. 2010. 75 (5). C. 729–763.
68. Jovanovic B. *When is there a Kuznets Curve* // University of Turin.
69. Hope D., Martelli A. The transition to the knowledge economy, labor market institutions, and income inequality in advanced democracies // *World Politics*. 2019. 71 (2). C. 236–288.
70. Stelzner M., Paul M. Monopsony and collective action in an institutional context // *Review of Social Economy*. 2020. 661–21.
71. Ahlquist J. S. Labor Unions, Political Representation, and Economic Inequality // *Annual Review of Political Science*. 2017. 20 (1). C. 409–432.
72. Ranaldi M., Milanović B. Capitalist systems and income inequality // *Journal of Comparative Economics*. 2021.
73. Piketty T. *Capital and ideology*. Harvard University Press, 2020.
74. Iversen T., Soskice D. Information, inequality, and mass polarization: ideology in advanced democracies // *Comparative Political Studies*. 2015. 48 (13). C. 1781–1813.
75. Stiglitz J. E. The origins of inequality, and policies to contain it // *National tax journal*. 2015. 68 (2). C. 425–448.